

Путешествие на Бласкет. Островитянин и его Остров

Стоит дождливый ирландский день, чтоб всем нам не хворать. В серой пелене особенно ярко выделяются сочные зеленые холмы, дорога круто вьется вверх: по ней до сих пор перегоняют овец с окрестных островков, превращая узкий серпантин в море кудрявых спин. А мы садимся на паром, отправляющийся на Большой Бласкет, один из шести островов этой группы, из гавани Дун-Хына, который обещает доставить нас на остров за двадцать-тридцать минут, преодолев, казалось бы, узкий пролив в два с половиной километра. Островитяне же совершали поездки до бухты Дангян-И-Хуше (Дингл), до которого паром идет целых сорок минут — при хорошей погоде.

Даже сегодня паромы отправляются на остров только по спокойному морю, ибо воды, разделяющие Бласкет и Большую землю, очень опасны. Ветер может усилиться в любую минуту, нагнать высокую волну, перевернуть судно на бок. Мананнан Мак Лир, древний властитель вод, никому не прощает ошибок и беспечности, а потому следи за облаками на горизонте, ходи на утреннюю

мессу, произноси охранную молитву перед отплытием, не бери лишнего груза на борт.

Не каждую неделю могли островитяне добраться до ближайшего города Дангян-И-Хуше, чтобы продать рыбу, свиней или шерсть, пропустить по стаканчику с друзьями и знакомцами, сходить в тамошнюю церковь, забрать почту, да и просто прикупить табаку, муки, соли и прочих хозяйственных надобностей. Однажды из-за ужасных погодных условий автор этой книги Томас О'Крихинь вынужден был дожидаться поездки домой целых три недели, что несомненно было Божьим провидением: за это время он научился писать по-ирландски и смог запечатлеть эти удивительные заметки о суровой жизни островитян Бласкета, «подобных которым не будет уже никогда».

* * *

«Островитянин» описывает события, произошедшие на острове в период с 1854-го, когда, исходя из исследований известного знатока Бласкета Брендана О'Коннаре, родился Томас О'Крихинь, до 1937-го — года его смерти.

В 1916 году население Большого Бласкета, в то время единственного обжитого из шести островов архипелага, достигло пика: 176 человек. Основным источником дохода для местных с Бласкета служила рыба, которую еще нужно было добыть и для многочисленной семьи, и на продажу. Чтобы достичь максимального улова, рыбаки загоняли косяки макрели и сайды в длинные

сети, протянутые между двумя лодками длиной в семь с лишним метров; такая лодка называется нэвог, она чрезвычайно устойчива и маневренна, однако требовала команды из четверых сильных гребцов. А для тяжелых лодок, широко использовавшихся до нэвогов, было необходимо восемь, а то и двенадцать гребцов.

На острове ютилась группка из пятнадцати глинобитных домов, обращенных входом на юг, чтобы сохранить хоть какое-то тепло, когда ветер проникает в любую щель. К 1953 году домов осталось всего девять. По окончании Первой мировой войны миграционная политика смягчилась, и молодежь стала массово уезжать на заработки в Дублин, Лондон и в страну «пота и крови» — Соединенные Штаты, где многие осели в Спрингфилде под Бостоном, Массачусетс, а также в городах штата Коннектикут Холиоке, Чикопи и Хартфорде. Четверо братьев и сестер из семьи Томаса также уехали в Штаты — Майре, Патрик, Айлинь и Нора, из них на остров вернулись только Майре и Патрик. Что касается старших сестры и брата Томаса, Айлинь и Шона, исследователи считают, что они умерли задолго до рождения автора этой книги.

Билет на корабль стоил пять фунтов, плавание — всего пять дней из порта Ков, что рядом с Корком. Устроившись в Новом Свете, родня нередко помогала младшим в семье перебраться к себе, где для них уже было устроено жилье, а то и рабочее место. Работать в Америке приходилось много и трудно, но островитянам было не привыкать,

и многие возвращались домой в Ирландию довольно состоятельными людьми. На Бласкете таких перспектив не имелось. Так постепенно, с 1926 по 1946 год, численность населения Большого Бласкета упала со 143 до 45 человек, и остров никогда больше не вернул себе былую живость. К 1941 году на Острове закрылась школа, куда ходили Томас и его друг Король, а годами позже и их дети, поскольку в классе осталось всего пять учеников, что вынудило семьи с детьми переселиться на Большую землю.

Другая извечная беда островитян — на острове не было медиков. Никакая хворь не казалась тем, кто вырос на «Самом здоровом в Ирландии острове», слишком опасной. До больницы в городе Дангян-И-Хуше на Большой земле тем временем еще попробуй доплыви. Люди заболели и умирали внезапно, а если и лечились, то дедовскими способами. Их хватало, многие проверены поколениями, некоторые напоминали советы ведьмы из старых сказок, а кое-какие и в самом деле помогали от простых болезней. Островитяне гордились своей находчивостью; выросшие на Большом Бласкете дети писали в школьных сочинениях: «Не было таких болезней, против которых наши предки не могли бы найти лекарства в виде трав, растущих из земли». Если не трава — то заклинание или какое-нибудь ритуальное действие. Если на глазу ячмень, нужно тереть больной глаз золотым кольцом (или золотой гинеей) каждое утро девять дней подряд натошак. При помутнении зрения

следовало выпустить трубочный дым через ножку трубки в глаз, а если глаза слезятся — промывать их горьким черным чаем каждое утро семь дней подряд. А вот рецепты от детских хворей живота и горла: 1) дыхание человека, который никогда не видел своего отца (отец которого умер прежде, чем он родился), — такой человек должен дышать в рот ребенку каждое утро девять дней подряд (обоим — натошак), или 2) клюв белого гуся — его нужно совать в горло ребенку каждое утро девять дней подряд. Лечили больное горло и шерстью черных овец — клочок потной шерсти такой овцы накладывали как компресс, а также рекомендовали больному трижды обойти источник святой Гобнати в Данкине, особым образом читая при этом молитвы; топленое молоко и мед тоже шли в дело, конечно. От головной боли лечили компрессом с яичным белком. От икоты полагалось либо сильно и внезапно напугать хворого, либо заявить ему, что он украл у кого-то что-то («Ты украл сверток соли у Майре Ни Бриань»), либо попить воды из чужих рук, заткнув уши двумя пальцами.

Впрочем, от более серьезных недугов все это оказывалось бессильным. В 1947 году случилась трагедия, послужившая началом эвакуации с острова. 24-летний Шон О'Кярна умер от менингита, от которого его смогли бы вылечить, если бы вовремя довели до больницы, но из-за опасных погодных условий ему ничем не смогли помочь, и он умер в муках без медицинской и духовной помощи. В «Островитянине» много рассказов о том, как